

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

Философская категория и понятие «пространство» активно используются в естественных и точных науках в качестве «множества», «места, способного вместить что-либо», «промежутка между чем-либо, протяженности», «совокупности отношений, выражающих координацию сосуществующих объектов, их расположение друг относительно друга и относительную величину (расстояние)». Характерной чертой любого пространства считается его непрерывность, безграничность и бесконечность, наличие в нем различных сосуществующих элементов. В современном русском языке используются многочисленные атрибутивные сочетания с опорным словом «пространство» (*коммуникативное, межкультурное, когнитивное, ментальное, языковое, информационное, телекоммуникационное, образовательное, педагогическое* и др.).

Категория пространства часто (и не всегда однозначно) используется и в отношении метафоры, которая неизменно присутствует в семиотическом пространстве любой культуры и выступает в качестве специфического средства реализации человеком его познавательных отношений и понимания своего места в необозримом пространстве и времени. Традиционная модель метафоры включает два пространства, первое из которых является исходной понятийной сферой (источником мотивации, ментальной сферой-источником, сферой-донором, источником метафорической экспансии), а второе – результативной понятийной сферой (новой понятийной областью, сферой-реципиентом, результатом метафорической экспансии). Модель двухпространственной структуры метафоры получила широкое распространение и стала основой для развития многочисленных теорий, рассматривающих метафору в качестве нового информационного входа в определенную когнитивную модель, важного средства создания нового содержания и получения новых знаний через перенос известного на неизвестное в пределах одной и той же языковой единицы.

Учитывая различные и не совсем одноплановые направления развития и образования метафоры, некоторые исследователи считают двухпространственную модель не совсем совершенной в силу невозможности конструирования и интерпретации метафоры на основе объёмных знаний о мире. Ведь зачастую влияние на образование метафоры оказывают факторы, не выявляемые в первом и втором пространствах. Это прежде всего соседство с

другими метафорами и образование на основе их интеграции нового концептуального (смешанного) пространства. Это также присутствие в структуре метафоры эмпирического опыта народа, его фундаментальных культурных ценностей, обусловленность метафоры языковой картиной мира носителей языка, той народной символикой и традиционными живыми представлениями о реалиях и предметах действительности. Ведь процесс конструирования метафоры – своеобразный «ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национальноспецифического видения мира, но и его универсального образа» [1, с. 5-6]

Еще одно из пространств метафоры связано с индивидуальными (субъективными) взглядами того или иного человека на окружающий мир, со спецификой мировосприятия автора, его личным жизненным опытом, индивидуальными системами ценностей, богатством воображений и представлений, свежестью ассоциаций и специфичностью стиля и почерка изложения фактов. Такие метафоры не всегда характеризуются предсказуемостью и существуют только в пределах определенного контекста.

В структуре текста метафора является важной когнитивно-познавательной и функционально-коммуникативной частью. Развитие пространства метафоры прежде всего осуществляется за счет внутреннего семантического потенциала конкретного слова и его дистрибуции. От семантики рядом расположенных слов зависит контекстовая «шлифовка» слова, актуализации тех или иных сем. «Только в составе контекста метафора теряет неопределённость и поддается однозначной семантизации, контекст – это минимум текста, необходимый для понимания смысла метафоры, это ее минимально достаточное окружение», -- справедливо утверждает Н.А.Туралина [3,с. 21]. Поэтому одно и то же слово в минимальных контекстовых ситуациях может характеризоваться различной смысловой наполненностью и включаться в самые различные метафорические формулы и модели. Различные контекстовые окружения создают ту или иную магистральную линию метафоры и возможность ее включения в определенные семантические модели. Сравн.: облако (*сизого дыма, песчаной пыли, задумчивости, грусти, недоумения, далекие лебеди облаков*). Самые различные сравнения и отождествления с референтом, обозначенным словом *глаза*, можно найти в различных авторских текстах: *Глаза – это темные звёзды* (М.Цветаева), *два лучистые солнца* (И.Бунин), *свечи ночные* (А.Блок), *зарницы лукавые* (Ф.Сологуб), *глубокие лампы* (В.Бенедиктов), *молнии страстей* (В.Бенедиктов), *провалы тёмного дикого счастья* (Н.Гумилев), *два пустынных озера* (М.Цветаева), *две незабудки* (А.Фет), *листья синие* (С.Есенин), *ведра студёные* (В.Маяковский), *мороз крещенский*

(А.Григорьев), *две пуговицы перламутровые* (В.Нарбут), *взрывы тёмных дисков* (М.Зенкевич), *беседа ресниц беглая* (В.Брюсов), *две птицы странные* (Н.Гумилев), *драконьиши шипящие* (С.Городецкий). Эти примеры подтверждают положение о широте и разномерности пространства метафоры, которая в каждом конкретном случае становится одномерной и представляет лишь одну точку зрения, характеризует предмет с какой-либо одной проекции, одного толкования. Безусловно, каждая такая метафора может приравниваться к тексту, читаться как текст с наличием в нем тех или иных семантических и структурных текстовых атрибутов. Контекст в таких случаях выступает в разделительной функции и распределяет различные смыслы и оттенки одного и того же слова (как реальные, так и потенциальные) по различным регистрам. Созданные контекстами разные прочтения метафоры – это по существу плюрализм мнений, создающий условия для возникновения диалога и полилога метафор. В таком диалоге (полилоге) скорее не отстаивается какой-либо взгляд на суть вещей, а создаются предпосылки для перехода от одной точки зрения к другой, созданию широкого и объемного содержания понятия, что в целом способствует пониманию феномена пространства метафоры.

В то же время различные слова, объединяясь по принципу синонимичности, в различных контекстовых ситуациях создают примерно одинаковое семантическое пространство. В качестве примера можно привести группу темпоральных метафор, описывающих время как основную мировоззренческую категорию человеческого сознания, как всеобщую объективную форму существования материи. Различные контексты с опорным словом время (и его синонимами) способствуют более точному выявлению способа протекания времени, вовлекают в метафорический процесс компоненты различных тематических групп. Ср.: *река времени, течение времени, волна времени, поток времени, пучина веков, корабль времен, дорога времени, тропа веков, буря лет, ветер времени, пряжа времени, ткань времен* и др. Экзистенциально-темпоральные метафоры, актуализирующие, к примеру, период зрелой поры жизни человека, его старости, отождествляются с такими периодами года, как осень и зима, а также с вечерним временем суток (*осень жизни, осень бытия, догорающий вечер жизни, закат жизни*), Кстати, такое отождествление считается традиционным и присуще многим языкам мира. Само же метафорическое пространство в этом случае строится в соответствии с некоторой условной системой семантических координат. Контекст в таком случае выполняет интегративную функцию, объединяя самые различные по своей семантике слова в одинаковые модели, структуры и тематические «ранги».

Метафорическое пространство в структуре текста может быть простым, менее объемным и развернутым, довольно широким. Простое метафорическое пространство опирается на минимальный текстовый фрагмент и однозначно воспринимаются в пределах двух-трех слов. Среди большого количества таких метафор распространены генитивные конструкции с родительным падежом, в которых на первом месте располагается рема (главный образно-смысловой фокус метафоры, ее «субъект»), а на втором месте – тема данного фрагмента. Генитивному пространству метафоры свойственны слитность компонентов, их диффузность, взаимопроникновение семного состава. Зависимое слово создает минимальный контекст, который позволяет сузить смысловой объем и расшифровать, «прочитать» возникший в минимальном контексте образ: *пожар души, струны жизни, волна желания, буря гнева, луч надежды, говор волн, свечи каштанов, волны ржи, золото песков, бирюза неба, море проблем*. Во многих случаях структуру бинармы составляют прилагательное и метафоризованное существительное (атрибутивные сочетания): *людская река, снежный ковер, горные хребты звездное серебро, сосновый малахит, жизненный экспресс, золотой голос, солнечная улыбка*.

Двухкомпонентные метафоры могут осложняться другими словами, которые конкретизируют и уточняют смысл метафорического контекста. Такого рода осложнения чаще всего выражаются прилагательными, существительными в прямом или переносном значениях, а также сочетаниями разных частей речи: *Седой козырек бровей* (Е. Замятин); *Гнездо безнравья и нахальства* (Г. Державин); *Стая трескучих, острых звуков* (Д. Андреев); *Перезвон листьев золотых и медных* (А. Межиров).

Метафорическое пространство как определенная целостность и взаимосвязанность отдельных его континуумов довольно часто представляется в виде предикативных текстов, где подлежащее выступает в качестве сферы-источника, а сказуемое – в качестве сферы-реципиента. Связка (чаще всего нулевая) в таких изосемических конструкциях объединяет два концепта и выражает отношения метафорического тождества. В качестве примеров приведем некоторые выражения, связанные с концептом “любовь”, у которой, по образному выражению К. Паустовского, – “тысячи аспектов, и в каждом из них – свой свет, своя печаль, свое счастье и свое благоухание”. *Любовь – это вечность* (Б. Зайцев), *жизнь* (Л. Толстой), *вторая жизнь* (Н. Гоголь), *желание жить* (М. Горький), *цветок* (С. Лукьяненко), *доброта* (В. Гроссман), *творчество* (Н. Бердяев), *кровь души* (М. Пришвин), *состояние души* (Б. Левин), *легенда* (М. Головановская), *одиночество* (С. Осипов), *бой* (Н. Доризо), *ад* (Б. Левин), *наказание, проклятие*

(Т.Тренина), *жестокость, безумие* (Н.Дежнев), *бессилие* (Л.Андреев), *азарт, игра* (И.Грекова) и мн. др.

Предикативное метафорическое пространство может включать расширение и дальнейшее развитие темы, что формально выражается обособленными и второстепенными членами предложения, частями сложных предложений и целыми предложениями: *Любовь – всепроникающая страсть, ранимая от лезвия измены.* (Г.Александров); *Любовь - это теорема, которую нужно каждый день доказывать* (Г.Горин); *Любовь - это восхитительный обман, на который человек соглашается по доброй воле* (А.Пушкин); *Любовь –это молния, которая всполохом выхватывает громадную картину жизни, и вы видите эту картину в мельчайших подробностях, ускользающих от внимания в обыкновенное время* (Д.Мамин-Сибиряк). *Любовь – это счастье, а счастье стекло: стеклянное счастье и бьется легко* (И.Кулакова). *Любовь есть сон, а сон – одно мгновение* (Ф.Тютчев);

В метафорическом пространстве текстового фрагмента может быть представлено два и более семантических фокуса, между которыми выявляются перечислительные, причинно-следственные и другие отношения. Нанизывание нескольких метафор, их различная сочетаемость, повторы и вариации способствуют объемной характеристике предмета описания, более глубокому раскрытию темы: *Но тихо плакал дождь, и ветер все кого-то звал, и было пусто на Земле* (А.Макаревич). *Чувство – это дым. Протянулось белым облачком и растаяло. А деньги – это реальность. Это свобода и независимость* (В. Токарева). *Все глухо кругом, ярко светит луна, широко раскрыли, свои мохнатые ресницы изумрудные звезды, и падают, падают селей и сосен шапки снега, повисая, в лунном, свете легчайшими столбами снежной пыли* (Ю.Казаков). В последнем примере каждое из метафорических выражений (*мохнатые ресницы, изумрудные звезды, шапки снега, легчайшие столбы снежной пыли*) отражает различные смысловые оттенки, которые в совокупности создают яркий динамический образ зимней ночи.

Довольно часто в небольших контекстовых ситуациях употребляются метафоры-антонимы, которые создают яркий антитезный рисунок, раскрывают противоречивость человеческой жизни и его диалектику, подчеркивают не всегда выразительную границу между различными периодами жизни: *Противоположность дня и ночи — это противоположность жизни и смерти: «день господь отвел живым, ночь — мертвым»* (А.Гуревич); *Ночь – это смерть. День – это жизнь: Моего не бойся мрака, Ночь, поверь, не хуже дня* (А.Твардовский); *И это является второй причиной столь пространного пролога собственной жизни. Я написал «пролог» и подумал, что история родителей — всегда пролог твоей жизни, а твоя*

жизнь — эпилог жизни твоих родителей (Б.Васильев); *Это закат моей женской жизни, а мог бы быть еще только расцветом* (А.Ковалевская)

Метафорическое пространство, понимаемое как определенная целостность, взаимосвязанность нескольких текстов (или их фрагментов), может осложняться интертекстуальными вкраплениями, что способствует его открытости, незамкнутости, наличию в нем явных и скрытых отсылок к предшествующим текстам (прототекстам, предтекстам, пратекстам, текстам-источникам, донорам, исходным текстам). Интертекстуальность создает своеобразную двойственность текстов, которые не только выражают новое содержание и расширяют информационное поле, но и отсылают к предтекстам, видоизменяя и модифицируя их в зависимости от целевой установки и замысла автора. Первичный текст наполняется новыми смысловыми оттенками за счет диалогического сцепления первичного текста со вторичным, вступления с ним в диалог, полемику. Одним из средств выражения интертекстуальности являются прецедентные тексты – цитаты из известных литературных произведений, фразеологизмы, крылатые выражения, пословицы и поговорки, лозунги, фразы из популярных песен и кинофильмов, рекламных роликов, общеизвестные имена персонажей и др. Прецедентные тексты как готовые номинативно-информативные блоки (образцы, стереотипы) обеспечивают хранение культурной информации, ее воспроизведение и формирование фоновых знаний. Использование таких текстов делает речь яркой, нетривиальной, раскованной, остроумной, способствует совершенствованию коммуникативной и межкультурной компетенции.

В метафорическом пространстве важную роль выполняют не только метафоры, но и другие средства непрямого номинации, а также элементы экспрессивного синтаксиса, обладающие огромными выразительными возможностями. Это прежде всего парцелированные, сегментированные, вопросно-ответные, вставные конструкции, повторы, фигуры увеличения и уменьшения объема высказывания (анафора, эпифора, симплока, градация, эллипсис, силлепсис, асиндетон), которые, с одной стороны, выступают в качестве структурно-композиционных элементов дискурса, а с другой стороны, выполняют функцию усложнителей смыслового и коннотативного (прежде всего экспрессивного) объема, а также прагматического потенциала высказывания: *О, возраст осени! Он мне дороже юности и лета!* (С.А. Есенин); *Неужели и жизнь отшумела, отшумела, как платье твое?* (А.Блок); *Всё разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни слагается из тени и света* (Л.Н. Толстой); *Между любовью и любовью распят мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век* (М.Цветаева); *Ты перед ним - что стебель гибкий, Он пред тобой - что лютый зверь...* (А.Блок); *Сколько надо от-*

ваги, чтоб играть на века, как играют овраги, как играет река, как играют алмазы, как играет вино, как играть без отказа иногда суждено (Б.Пастернак).

На фоне всех типов именных метафор рельефно выделяются суппозитивные метафоры (лат. *suppositio* 'подстановка, замещение, допущение'), раскрывающие содержание личных местоимений, которые по причине их дейктивности и в какой-то степени семантической опустошенности стремятся к постоянному контекстно-семантическому эксплицированию. Семантическая и формальная организация минимальных текстовых фрагментов с личными местоимениями укладывается в рамки двухпространственных предикативных моделей. Первый компонент (левая часть) представлен личными местоимениями, которые в определенных контекстовых ситуациях как бы опредмечиваются и используются в качестве информационно-образных кодов. Как свидетельствуют многочисленные материалы, такие коды по-разному интерпретируются у различных носителей языка. Взаимодействие дейксиса с текстом определяется характером правой части пространственной модели, которая раскрывает содержание местоимений посредством экспликации сегментов большей или меньшей структурной и семантической протяженности. По этой причине метафорические объяснения и комментарии во втором компоненте метафорического пространства (правая часть) носят не совсем однородный характер и связаны с размышлениями авторов о жизни и смерти, о роли человека в истории, о собственном предназначении, об отношениях между людьми в обществе и др. Авторефлексия, анализ собственного психологического состояния, авторское «я», ответы на вопросы «кто я есть?», «кто мой собеседник?» рассуждения «я и возможные миры», «я и реальность», «я есть я», «моё согласие или конфликт с миром» – наиболее частые наполнители дискурсов различных жанров. В таких суппозитивных метафорах, которые в лингвистической литературе называются автометафорами [2], заложены практически неограниченные ресурсы семантических отождествлений, сравнений, взаимоперемещений и перевоплощений, которые характеризуются субъективным началом, неожиданностью, непредсказуемостью, а в ряде случаев – преувеличенностью, гиперболичностью, своего рода фантастичностью: *Я – царь, я – раб, я – червь, я – Бог* (Г.Державин); *Я – Гамлет, холодеет кровь...* (А.Блок); *Я – Гойя! Глазницы воронок мне выклевал враг* (А.Вознесенский); *...Ибо я есть правдивый голос жизни, грубый крик тех, которые остались там, внизу, отпустив меля к вам для свидетельства о страданиях их!* (М.Горький); *Ты есть гордость и герой, принявший за отечество* (Е.Замятин); *Ты есть все, ты есть причина, ты есть предел, ты есть герой* (Е.Радов); *Помни, что ты*

дачник, то есть раб, дрянь, мочалка, сосулька, и изволь, как курицын сын, сейчас же бежать исполнять поручения (А.Чехов).

Автометафоры в своем большинстве проливают свет на творческую «лабораторию» автора, где герой произведения хочет сблизиться с другими реалиями, раствориться в них высказать свое отношение к людям, событиям и временам. В структуре текста такие метафоры как определенные статико-динамические структуры выполняют функции, связанные с расширением смыслового объема высказывания, подчеркиванием или выделением наиболее важных элементов речевого континуума, противопоставлением и синонимическим отождествлением различных понятий, акцентированием внимания как на постоянных, так и на временных, эпизодических признаках: *У нас беседа, а не строй, и ты есть раненный в бою воин* (Б.Васильев); *Я и есть это зеркало, и они злятся, хотят меня разбить* (Н.Дежнев); *Я есть мигрирующая структура, пробегающая по множеству рядов присутствия* (А.Секацкий).

Таким образом, метафорическое пространство является неотъемлемой частью художественного текста. Ведь сама метафора возникает и функционирует в пределах текста, выполняет определенные коммуникативные цели и способствует созданию доступности объектов нашим мыслям. Чаще всего она выполняет роль двух своеобразных зеркал (призм), через которые человек воспринимает, концептуализирует и интерпретирует окружающую действительность. Среди двухкомпонентных метафорических структур преобладают генитивные и атрибутивные конструкции, которые в ряде случаев осложняются другими образно-смысловыми центрами. В метафоризованных контекстах используются приемы нанизывания метафор, их повторы, а также сочетания метафор с другими образно-выразительными средствами.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс /Н.Д.Арутюнова // Теория метафоры: сборник. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
2. Кураш С.Б. Метафорика коммуникативной ситуации в русском поэтическом дискурсе: аспекты семантической интерпретации /С.Б.Кураш // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П.Шубы): мат-лы III Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч.1.– Минск: РИВШ, 2006. – С. 131- 134.
3. Туранина Н.А. Индивидуально-авторская метафора в контексте и словаре / Н.А. Туранина. – Белгород; Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2001. – 75 с.